

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.14062

EDN: TEGYJD



Поэтика утопии в произведениях А. В. Чаянова

Н. В. Михаленко

Институт мировой литературы им. А. М. Горького,

Российская академия наук

(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: tinril@list.ru

Аннотация. Футурологическая модель, представленная в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. В. Чаянова (описанном как Ив. Кремнев), ориентирована на сохранение и возрождение традиций прошлых эпох, которые гармонично встраиваются в новый образ жизни. Утопическая картина мира очень эклектична: наряду с ручным сельскохозяйственным трудом присутствуют новейшие изобретения: метеорофоры и летательные аппараты, регулируются атмосферные осадки. Искусство как философский императив определяет все стороны жизни общества. Руководители государства стремятся добиться максимальной реализации таланта каждого человека. Образование строится на принципах гармоничного развития личности: жители утопии не только осваивают специальность, но должны знать историю искусства, заниматься спортом, что должно также служить раскрытию их способностей. Идеалом служит как античная культура, так и усадебное времяпрепровождение, где человек трудится в тесном соприкосновении с природой, проводя досуг в литературных или музыкальных занятиях. Знание истории и искусства считается здесь основополагающим: даже кулинария и развлечения ориентированы на сохранение памяти прошлого. Многие идеи, на которых строится утопия, — представления Чаянова о должной структуре образования, его культурологической и искусствоведческой составляющих, педагогических и методических принципах, формировании разностороннего и многогранного ученого. Но это и своеобразный ответ на споры конца XIX — начала XX в. о роли человека как теурга, границах его возможностей и власти.

Ключевые слова: А. В. Чаянов, утопия, будущее, образование, наука, искусство

Для цитирования: Михаленко Н. В. Поэтика утопии в произведениях А. В. Чаянова // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 3. С. 244–256. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14062. EDN: TEGYJD

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.14062

EDN: TEGYJD

The Poetics of Utopia in the Works of A. V. Chayanov

Natalya V. Mikhalenko

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: tinril@list.ru

Abstract. The futurological model presented in “My brother Alexei’s Journey to the Land of Peasant Utopia” by A. V. Chayanov (under the name of Iv. Kremnev) is focused on preserving and reviving the traditions of the times past, which are harmoniously integrated into a new way of life. The utopian worldview is very eclectic: along with manual agricultural labor, there are the latest inventions: meteorophores and aircraft, atmospheric precipitation is controlled. Art as a philosophical imperative defines all aspects of society. The leaders of the state rely striving to maximize the realization of each person’s talent, education is based on the principles of harmonious personal development: utopia’s residents not only master a specialty, but must know the history of art, play sports, which should also serve to reveal their abilities. The ideal is formed by both the ancient culture and manor pastime, where a person works in close contact with nature, spending leisure time in literary or musical pursuits. Knowledge of history and art is considered fundamental here: even cooking and entertainment are focused on preserving the memory of the past. Many of the ideas on which utopia is based are Chayanov’s ideas about the proper structure of education, its cultural and art history components, pedagogical and methodological principles, and the formation of a versatile and multifaceted scientist. But in a way, it is also an answer to the disputes of the late 19th — early 20th centuries about the role of man as a theurgist, the limits of his capabilities and power.

Keywords: A. V. Chayanov, utopia, the future, education, science, art

For citation: Mikhalenko N. V. The Poetics of Utopia in the Works of A. V. Chayanov. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 3, pp. 244–256. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14062. EDN: TEGYJD (In Russ.)

Утопия А. В. Чаянова, в которой описывается будущее России в 1984 г., является важной частью литературного процесса начала XX в. Наряду с «Красной звездой» А. А. Богданова, поэмами и стихами С. А. Есенина, где возникает образ

крестьянского рая, страны Инонии, футурологическими прогнозами В. В. Маяковского, предостережениями Е. И. Замятина роман «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. Часть первая¹» являет собой модель возможного будущего, соответствующего представлениям Чайнова. В нем изображено идеальное общество, основы которого составляют не индустриализация и технический прогресс, а «ценности совершенной и гармоничной сельской цивилизации» [Джиганте: 62]. М. Леке (Mirja Lecke) писала: «Die politische und ökonomische Krise während und nach der Oktoberrevolution in Rußland führte zu gesteigertem Interesse an utopischer Literatur. Damals versuchten nicht nur professionelle Literaten, die neue Situation durch künstlerische Tätigkeit zu bewältigen. Auch Politiker, Ökonomen und andere Intellektuelle wollten einen künstlerischen Beitrag zur "neuen" Gesellschaft leisten» [Lecke: 379]. («Политический и экономический кризис во время и после Октябрьской революции в России способствовал духовному интересу к утопической литературе. Не только профессиональные литераторы пытались с помощью искусства осмыслить новую ситуацию. Политики, экономисты и другие мыслители хотели внести свой вклад в "новое" общество»).

В утопии Чайнова искусство как мировоззренческая категория составляет основу философии руководителей государства и простых жителей, отношение к разным сторонам жизни как к искусству является основным принципом организации общества крестьянской утопии. Искусство постоянно сопровождает человека: в убранстве домов присутствуют картины, в самых отдаленных уголках страны можно посетить выездные выставки музеев, сама отнюдь не утилитарная и прагматичная одежда женщин — сарафаны с кринолинами — тоже является данью истории моды. Досуг проходит в пении, исполнении романсов, соревновании на знание живописи, чтении, о чем свидетельствует «энергия, с которой раскупались»² книги

¹ Вторая часть не была написана автором.

² Чайнов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Московская гофманиада / послесл. В. Б. Муравьева; примеч. В. Б. Муравьева, С. Б. Фроловой. М.: Издательский Дом ТОНЧУ, 2006. С. 255. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

на ярмарке в Белой Колпи. Даже кулинария представляет собой отдельное искусство — воссоздание культуры еды предшествующих эпох.

Интересно, что в обществе будущего очень многое ориентировано на культуру прошлого. Жители утопии прекрасно ориентируются в истории искусства, начиная от культуры Древнего Вавилона. Знание истории искусства распространено повсеместно за счет функционирования передвижных выставок музеев, однако имена художников новой страны не называются, лишь приводится случай в традиции эпохи Возрождения, когда «та или иная волость или уезд уплачивали по многолетним контрактам значительные суммы художнику, поэту или ученому только за перенос его местожительства на их территорию» (259).

Такой интерес героев Чаянова к художественному искусству, вероятно, также обусловлен его моделированием утопической действительности. С одной стороны, это связано с его интересом к живописи: он брал уроки у К. Ф. Юона; имя художника упоминается в чаяновской «Истории парикмахерской куклы». Вторая супруга Чаянова — Ольга Эммануиловна Гуревич — была искусствоведом, именно она положила начало семейной коллекции гравюр. Письма Чаянова периода зарубежных поездок пестрят информацией о находках различных гравюр. В письме двоюродному брату, С. А. Клепикову, который занимался изучением лубочных картинок³, Чаянов перечислял работы видных художников, создававших гравюры, приводил примерные цены на них. Он выделял произведения таких мастеров, как: Schongauer, Mantegna, Ruysdael, P. Potter, Both, Остаде, Рембрандт, Дюрер, Калло, Альдеревер, Бехам, Кранах, Бальдунг Грин⁴.

³ Клепиков С. А. Лубок. М., 1939. Ч. 1. Русская песня; Клепиков С. А. О собирании лубочных картин. М.: Гос. лит. музей, 1941; Клепиков С. А. М. Ю. Лермонтов и его произведения в русских народных картинках // М. Ю. Лермонтов. М.: Изд-во АН СССР, 1948. Кн. II. С. 794–802. (Сер.: Лит. наследство; вып. 45–46); Клепиков С. А. А. С. Пушкин и его произведения в русской народной картинке. М.: Гос. лит. музей, 1949; Клепиков С. А. И. А. Крылов и его произведения в русской народной картинке. М.: Гос. лит. музей, 1960.

⁴ См.: Чаянов А. В. Письма // Чаянов А. В. Избранное: статьи о Москве. Письма (1909–1936) / примеч. С. Б. Фроловой. М.: Издательский Дом ТОНЧУ, 2008. С. 210–211.

В стиле гравюр были сделаны иллюстрации повестей Чаянова русскими художниками-графиками Алексеем Александровичем Рыбниковым, Натальей Абрамовной Ушаковой, Алексеем Ильичом Кравченко.

В 1926 г. Чаянов выпустил монографию «Старая Западная гравюра. Краткое руководство для музейной работы»⁵, в которой в доступной форме изложил историю и основные техники исполнения этого вида живописи, дал расшифровки подписей некоторых художников, а также разработал методику для начинающих собирателей⁶. Он отмечал, что самой ответственной и сложной задачей является «художественное воспитание широких масс»⁷. Именно художественная реальность «Путешествия...» стала пространством, где воплотились его идеи: «...основной задачей всякой широкой работы над художественной культурой масс являются мероприятия, направленные к тому, чтобы возможно большие массы пришли в непосредственное соприкосновение с памятниками и произведениями искусства, этими единственными первоисточниками всякой художественной культуры»⁸. И если в своей монографии Чаянов предлагал создать «густую сеть местных художественных музеев»⁹ в СССР, говорил о том, что «подлинники западного искусства должны быть нами брошены в самые отдаленные углы нашей страны и всякий, кто хотел бы познакомиться с этими первоисточниками художественной культуры, должен получить возможность по оригиналам ознакомиться с развитием европейского искусства»¹⁰, то в «Путешествии...» он воплотил эту идею.

⁵ Чаянов А. Старая западная гравюра. Краткое руководство для музейной работы / с предисл. Н. И. Романова. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1926. 95 с.

⁶ А. М. Никулин и Е. С. Никулина отмечали: «В искусствоведческих работах Чаянова, безусловно, заключены важные элементы социологического междисциплинарного анализа истории и экономики, искусства и культуры» [Никулин, Никулина: 187].

⁷ Чаянов А. В. Старая западная гравюра. С. 9.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ Там же. С. 12.

В 1933 г., находясь в ярославской тюрьме, Чаянов начал писать монографию «История западной гравюры» — было написано три с половиной главы. Даже в ссылке в Алма-Ате (1936–1937) (см.: [Бондарик: 173–174]) Чаянов просил супругу прислать ему книги по искусству:

«Особенно хочется получить издание Гос[ударственного] музея изобраз[ительных] искусств — выпуск 3 из серии "Живопись и скульптура": "Искусство европейского феодализма"¹¹»¹².

Он очень ждал в Алма-Ате посылки эстампов:

«Затем очень прошу тебя ускорить посылку просимых гравюр — Рембр[анта] и итальянцев XVI века. Уж очень тоскливы одинокие вечера, хотелось бы проводить их, по крайней мере, в более культурной и эстетической обстановке»¹³ (письмо О. Э. Чаяновой).

В «Путешествии...» методы работы с произведениями искусства распространяются на все сферы деятельности, даже возделывание земли возводится в ранг творчества, что требует от человека не только определенной квалификации, но и творческого отношения к своей деятельности. Так, в земледелии

«работа не отделена от творчества организационных форм, в котором свободная личная инициатива дает возможность каждой человеческой личности проявить все возможности своего духовного развития, предоставляя ей в то же время использовать в нужных случаях всю мощь коллективного крупного хозяйства, а также общественных и государственных организаций» (248).

В жизни утопических людей нет простоты, они как бы действующие лица огромного спектакля, героями которого управляют «авгуры духа», правители страны, прибегающие к «терапии неудачных жизней», чтобы ни один талант не был потерян («идея искусственного подбора и содействия организации талантливых жизней» (262)). Как писал А. М. Никулин, «в утопии Чаянова рационализм, точнее, не один рационализм,

¹¹ Искусство европейского феодализма: путеводитель по музею / сост. сотрудники ГМИИ под ред. Б. Е. Этингофа и Ю. Сергиевского. М.: Изогиз, 1934. Вып. 3. Ч. 1. 79 с.

¹² Чаянов А. В. Письма. С. 253.

¹³ Там же.

но различные виды рационализмов, стараясь мирно соперничать, хотя порой и открыто враждуя меж собой, последовательно трансформируют, доводят до своего рационального замысла всю окружающую природную и социальную жизнь» [Никулин: 263].

Евангельская притча о талантах получает здесь гиперболическую трактовку: чтобы человек мог максимально реализовать свои способности и возможности, он лишается свободы выбора. «Прометей» А. Н. Скрябина, ставший государственным гимном, а также лейтмотивная символика Вавилонской башни, вводимая в текст посредством описания картин, схожих с работами Питера Брейгеля Старшего, свидетельствуют об опасности теорий, провозглашающих равенство человека божеству. По мнению К. Соливетти, «в этой Аркадии обнаруживаются жесткие культурные модели, не слишком отличающиеся от моделей общества образца 1921 года» [Соливетти: 313]. Создавая научно-популярное произведение, представляющее собой альтернативу большевистским планам, Чаянов проводил литературный эксперимент с утопической моделью, показывая ее сильные и слабые стороны. Новая страна не только бережно хранит традиционные ценности, но и применяет «манипулятивные практики, основанные на идее "трансформации" человеческого сознания» [Павлова: 11].

Идея теургии, человекобожества художника лейтмотивно развивается на протяжении всего сюжета. Когда Параскева Минина рассказывает Кремневу о своих живописных предпочтениях — картинах Питера Брейгеля Старшего, Ван Гога, Рыбникова, Ладанова, — она отмечает, что

«искала в искусстве тайны вещей, чего-то или божеского, или дьявольского, но превышающего силы человеческие.

Признавая высшую ценность всего сущего, она требовала от художника конгениальности с творцом Вселенной, ценила в картине силу волшебства, Прометееву искру, дающую новую сущность...» (227).

Утопические жители проявляют интерес к живописи: «...властителем мировых помыслов сделались суздальские фрески XII века, и наступило царство реализма с Питером Брейгелем как кумиром» (228). Германия, проигравшая в войне Российской

крестьянской республике, должна выплатить издержки, ею вызванные, полотнами «Боттичелли, Доменико Венециано, Гольбейна», а также передать Пергамский алтарь (273–274).

На передвижной выставке Волоколамского музея в Белой Колпи, где «временно гастролируют некоторые московские картины» (255), Кремнев смог увидеть «"старых знакомых" — Венецианова, Кончаловского, "Святого Герасима" рыбниковской кисти, новгородского "Илью" остроуховского собрания» (255). Жители интересуются историей искусства: активно покупают 132-е издание книги П. Муратова «История живописи на ста страницах», книгу П. Мининой «От Рокотова до Ладанова».

На ярмарке в Белой Колпи в зале реликвий Алексей Кремнев смог увидеть макет комнаты Пушкина, «раскрывшей Алексею душу великого поэта лучше, чем все десятки книг о нем, когда-то прочитанных. Ушаковский альбом, листки альбомных стихов, портреты близких, Нащокинский домик и сотни других свидетелей великой жизни» (267). Утопические жители интересуются литературой, они должны видеть условия становления, развития и реализации великого таланта, то, как он был реализован, а не утрачен. Подобные истории служат образцом для жителей утопии, призмой, через которую они должны смотреть и на свою жизнь.

Реалии жизни Чаянова стали частью художественного пространства. В послереволюционное время он работал в Кооперативном комитете по охране художественных и национальных сокровищ России, созданном по постановлению Всероссийского кооперативного съезда в 1918 г. Во главе комитета стоял Игорь Грабарь, вместе с ним работали П. П. Муратов, Н. И. Романов, А. М. Эфрос (Росций), П. Д. Эттингер, Б. Р. Виппер, А. В. Чаянов и другие деятели искусства. Деятельность Кооперативного комитета началась с передачи в Румянцевский музей «Альбома Ушаковой» с многочисленными рисунками и записями А. С. Пушкина. Согласно идее Чаянова, руководившего Просветительской комиссией Кооперативного комитета, «с исчезновением прежних меценатов из среды царей, аристократии, богатого купечества, положивших основание лучшим художественным собраниям и музеям России, заботы о развитии художественной культуры в стране

должны стать делом демократии и прежде всего ее неистощимых сил, организованных в кооперативные союзы, рассеянные по всему лицу русской земли»¹⁴.

«Прометеева искра» является достаточно амбивалентной категорией в наследии Чаянова (подробнее см.: [Михаленко]). С одной стороны, он упоминает ее, когда в статье «Методы высшего образования» говорит о формировании профессионализма у студента, его мировоззрения как будущего специалиста: «Знакомство с передовыми научными технологиями и произведениями искусства способствует тому, что в душе студента загорается "тот Прометеев огонь, который неугасимо пылает в храме науки"»¹⁵. С другой стороны, в художественном пространстве романа прометеистская символика звучит достаточно угрожающе. Музыкальная поэма А. Скрябина, исполняемая «на кремлевских колоколах в сотрудничестве с колоколами других московских церквей» (267), не оставляет у человека выбора, подчиняет его волю: «...основным условием преобразования мироздания» становится «необходимость *преображения человека, трансформации его этико-онтологического статуса*» [Павлова: 3].

В «Путешествии...» дается подробное описание жизни в утопической стране, как ее представлял и моделировал Чаянов. Этот роман стал своеобразной площадкой, на которой Чаянов смог реализовать свое представление о необходимой организации различных сторон общества. Особенно тщательно прописана экономическая система утопической страны, в тексте отразились взгляды автора на образование и воспитание молодежи, одним из главных факторов формирования личности становится соприкосновение студента с произведениями искусства.

Многие принципы, которыми руководствовался Чаянов в своей жизни, доведены в утопии до нелогичного максимума, гиперболически усилены, поэтому и создается амбивалетная картина мира. Так, например, в статье «Методы высшего

¹⁴ Романов Н. Искусство и кооперация // Кооперация и искусство: сб. ст. И. Грабаря, Н. Романова, А. Эфроса, П. Эттингера и А. Чаянова. М.: Тип. Н. А. Сазоновой, 1919. С. 18.

¹⁵ Чаянов А. В. Методы высшего образования // Экономическое наследие А. В. Чаянова. М.: ТОНЧУ, 2006. С. 631.

образования» (1919) Чаянов писал о важности не только профессиональной подготовки студентов, но и об общем их образовании, повышении культурного уровня. Как отмечал Чаянов в статье, «главнейшее, что дает высшая школа, — это особая, ей одной присущая культура. Питомец высшей школы среди обывателей подобен магометанину, побывавшему в Мекке, среди других магометан. Его кругозор широк, он лучше видит, он быстрее и шире мыслит»¹⁶. Выпускник, который «многие часы простаивал перед диковинными видениями Рембрандта и Боттичелли в Румянцевском музее, <...> слышал вдохновенную речь Станиславского и навеки сохранил в своей душе образы студии Художественного театра <...>, приобщился к первоисточникам культуры, дохнул воздухом вершин человеческой мысли и искусств»¹⁷. В утопии же, согласуясь с гимном этой страны, — «Прометеем» Скрябина — люди сами становятся творцами. На этом строится вся идеология: «...рабочий, строя свою идеологию, ввел наемничество в символ веры будущего строя и создал экономическую систему, в которой все были исполнителями и только единицы обладали правом творчества» (247).

Педагогические идеи Чаянова, вероятно, реализовались в образе «Братства святого Флора и Лавра», своеобразного светского монастыря, устроенного в подмосковной усадьбе Архангельское, «братья коего вербовались среди талантливых юношей и девушек, выдвинувшихся в искусствах и науках» (237). Чаянов создал идеальную модель воспитания «наиболее мощных творческих сил страны», в которой обучение студентов происходит в чудесных имениях, «разбросанных по России и Азии, снабженных библиотеками, лабораториями, картинными галереями» (237).

По мысли Чаянова, именно усадебная культура, «давшая декабристов и подарившая миру Пушкина»¹⁸, представляет собой идеальное сочетание практической работы, гармоничной жизни на лоне природы и бережного сохранения культурного наследия предшествующих эпох:

¹⁶ Чаянов А. В. Методы высшего образования. С. 632.

¹⁷ Там же. С. 641.

¹⁸ Там же.

«В анфиладе комнат старого дворца и липовых аллеях парка, освещенных былыми посещениями Пушкина и блистательной, галантной жизнью Бориса Николаевича Юсупова с его вольтерьянством и колоссальной библиотекой, посвященной французской революции и кулинарии, шумела юная толпа носителей Прометеева огня творчества, делившая труды с радостями жизни» (237).

Утопическое общество, построенное на принципах максимальной реализации каждого гражданина, на основе прекрасно выстроенной системы образования, исключает всякую возможность выбора у человека, делая творчество, изначально свободное по своей сути, скованным рамками и ограничениями.

Список литературы

1. Бондарик В. В. Жизненный и творческий путь А. В. Чаянова // Труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 210. № 2. С. 164–177.
2. Джиганте Дж. Творчество Александра Чаянова — уникальное явление русского Модернизма // Contemporary Issues of Literary Criticism X Modernism in Literature Environment, Themes, Names Proceedings of International Symposium (The symposium dedicated to the 125th anniversary year of the birth of Galaktion Tabidze). Тбилиси: Ivane Javakhishvili Tbilisi State University Press, 2017. Vol. 1. Pp. 57–64 [Электронный ресурс]. URL: https://www.v-ivanov.it/files/4/4_tbilisi2016legkij.pdf (10.05.2024).
3. Михаленко Н. В. Идея прометеизма и отражение представлений о евгенике в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. В. Чаянова // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева / отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. С. 441–449.
4. Никулин А. М. Грезы русской революции в утопиях Александра Чаянова и Андрея Платонова // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. С. 256–290 [Электронный ресурс]. URL: <https://sociologica.hse.ru/2018-17-3/224869184.html> (10.05.2024).
5. Никулин А. М., Никулина Е. С. Социология искусства А. В. Чаянова. [Рец. на кн.] Чаянов А. В. Избранное искусствоведческое наследие. М.: Издательский дом Тончу, 2018 // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1. С. 178–188 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.journal-soc-journal.ru/index.php/socjour/article/view/6286> (10.05.2024). DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6286
6. Павлова О. А. Русская литературная утопия 1900–1920-х гг. в контексте отечественной культуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук; Саратов: Саратов. гос. ун-т, Волгоград, 2006. 45 с.
7. Соливетти К. Утопия или метаутопия? Текст, метатекст и паратекст в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии»

A. Чаянова // Вторая проза. Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1995. С. 297–314. (Сер.: Labirinti 18.)

8. Lecke M. Utopie und romantische Kunsttheorie in A. V. Čajanovs “Putešestvie moego brata v stranu krest’janskoj utopii” // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2000. Vol. 59. № 2. Pp. 379–400.

References

1. Bondarik V. V. Life and Creative Way of A. B. Chayanov. In: *Trudy Vol’no-ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Works of the Free Economic Society of Russia]*, 2018, vol. 210, no. 2, pp. 164–177. (In Russ.)
2. Dzhigante Dzh. Alexander Chayanov, an Original Representative of Russian Modernism. In: *Contemporary Issues of Literary Criticism 10th Modernism in Literature Environment, Themes, Names Proceedings of International Symposium (The Symposium Dedicated to the 125th Anniversary Year of the Birth of Galaktion Tabidze)*. Tbilisi, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University Press Publ., 2017, vol. 1, pp. 57–64. Available at: https://www.v-ivanov.it/files/4/4_tbilisi2016legkij.pdf (accessed on May 10, 2024). (In Russ.)
3. Mikhalenko N. V. The Idea of Prometheus and the Reflection of Ideas About Eugenics in “The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia” by A. V. Chayanov. In: *Literatura i religiozno-filosofskaya mysl’ kontsa XIX — pervoy treti XX veka: k 165-letiyu Vl. Solov’eva [Literature and Religious and Philosophical Thought of the Late 19th — First Third of the 20th Century: to the 165th Anniversary of Vl. Solovyov]*. Moscow, Vodoley Publ., 2018, pp. 441–449. (In Russ.)
4. Nikulin A. M. Dreams of the Russian Revolution in the Utopias of Alexander Chayanov and Andrei Platonov. In: *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review]*, 2018, vol. 17, no. 3, pp. 256–290. Available at: <https://sociologica.hse.ru/2018-17-3/224869184.html> (accessed on May 10, 2024). (In Russ.)
5. Nikulin A. M., Nikulina E. S. Chayanov’s Sociology of Art. [Rew.] Chayanov A. V. Selected Art Heritage. Moscow, Izdatelskiy dom Tonchu Publ., 2018. In: *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]*, 2019, vol. 25, no. 1, pp. 178–188. Available at: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/6286> (accessed on May 10, 2024). DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6286 (In Russ.)
6. Pavlova O. A. *Russkaya literaturnaya utopiya 1900–1920-kh gg. v kontekste otechestvennoy kul’tury: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [The Russian Literary Utopia of the 1900s — 1920s in the Context of Russian Culture. PhD. philol. sci. diss. abstract]*. Volgograd, 2006. 45 p. (In Russ.)
7. Solivetti K. Utopia or Meta-Utopia? Text, Metatext and Paratext in “The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia” by A. Chayanov In: *Vtoraya proza [The Second Prose]*. Trento, Department of Philological and Historical Sciences Publ., 1995, pp. 297–314. (Ser.: Labirinti 18.) (In Russ.)
8. Lecke M. Utopie und romantische Kunsttheorie in A. V. Čajanovs “Putešestvie moego brata Alekseja v stranu krest’janskoj utopii” [Utopia and Romantic Art Theory in “The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia” by A. V. Chayanov]. In: *Zeitschrift für Slavische Philologie [Journal of Slavic Philology]*, 2000, vol. 59, no. 2, pp. 379–400. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Михаленко Наталья Владимировна, *Natalya V. Mikhalenko*, PhD (Philology), Senior Researcher of the Group for the Study of Creativity of V. V. Mayakovsky, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6200-6211>; e-mail: tinril@list.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.06.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.08.2024

Принята к публикации / Accepted 20.08.2024

Дата публикации / Date of publication 12.09.2024